

АЛЕКС СКАЙ

МАЧЕХА
ПОНЕВОЛЕ
ДЛЯ ДРАКОНЬЕГО
БАСТАРДА

Алекс Скай

Мачеха поневоле для драконьего бастарда

<https://litres.ru/74345708>

Аннотация

Арина проснулась в чужом теле, в чужом замке и с чужим мужем — холодным драконьим лордом, который не доверяет ей ни единому слову.

Все вокруг зовут её леди Элирой. Женщиной, которую в этом доме боятся. Женщиной, которая ещё вчера хотела избавиться от маленького Ноэля — драконьего бастарда, лишнего ребёнка с опасным даром и слишком печальными глазами.

Арина не знает законов этого мира. Не знает, почему оказалась здесь. Не знает, как вернуться обратно. Но знает одно: ребёнка, который боится попросить еду, тепло и право быть любимым, она не отдаст никому.

Теперь ей предстоит выжить среди родовых интриг, раскрыть тайну смерти матери Ноэля, выдержать недоверие мужа-дракона и доказать всему замку: мачехой становятся не по крови.

Иногда — по выбору сердца.

Содержание

Чужая жена в драконьем замке	4
Бастард за семейным столом	36
Мачеха, которой не верят	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Чужая жена в драконьем замке

Арина проснулась в чужой постели с чужим кольцом на пальце и первым же движением поняла: если это сон, то у него отвратительное чувство юмора.

Потолок над ней был не белым, как в её съёмной квартире, а тёмно-серебряным, высоким, расписанным драконьими крыльями. Крылья тянулись от стены к стене, смыкались над кроватью и будто держали её в огромной каменной ладони. По карнизам мерцал приглушённый янтарный свет, хотя свечей она не видела. В камине напротив тлели угли, от них по комнате расходилось сухое тепло, пахло холодным камнем, дорогим воском, пеплом и чем-то терпким, незнакомым, похожим на запах грозы над железной крышей.

Арина не сразу села.

Сначала зажмурилась.

Потом открыла глаза снова.

Крылья остались.

Камин остался.

Огромная кровать с резными столбиками, тяжёлый бархатный полог, длинные зеркала в чёрных рамах, шкура какого-то невозможного зверя у подножия — всё это не исчезло, не расплылось, не превратилось в привычный шкаф с облупленной ручкой и стопкой вещей на стуле.

— Так, — сказала Арина хрипло. — Либо я умерла очень

дорого, либо кто-то переборщил с декорациями.

Голос был не её.

Точнее, почти её — женский, низковатый после сна, но мягче, протяжнее, с непривычной хрипотцой на конце. Арина застыла. Медленно подняла руку к горлу. Пальцы коснулись тонкой кожи, прохладной цепочки и воротника ночной рубашки, такой тонкой и гладкой, что в обычной жизни она бы побоялась даже спросить цену.

Рука тоже была не её.

Белее. Уже в запястье. Пальцы длинные, ногти ухоженные, на безымянном — широкое кольцо из тёмного металла с алым камнем, в глубине которого словно мерцала искра.

Арина резко села.

Комната качнулась. Не от слабости — от ужаса, который встал за спиной и положил обе ладони ей на плечи. Она сбросила одеяло, босыми ступнями коснулась холодного пола и едва не вскрикнула: пол был не деревянный, не ламинат, не плитка, а настоящий камень. Под ним будто жила зима.

На стене справа висело зеркало в человеческий рост.

Арина подошла к нему медленно, как к приговору.

Из зеркала на неё посмотрела незнакомая женщина лет двадцати пяти — высокая, стройная, бледная, с тёмно-рыжими волосами, спутанными после сна, и глазами цвета старого янтаря. Красивое лицо, даже слишком красивое: тонкий нос, резкие скулы, губы, которые в спокойном состоянии выглядели так, будто их обладательница привыкла говорить

неприятные вещи и ждать, что ей за это поклонятся.

Арина подняла руку.

Женщина в зеркале подняла руку.

Арина коснулась щеки.

Она тоже.

— Нет, — прошептала Арина. — Нет-нет-нет. Я не подписывалась на это. Я даже пользовательское соглашение обычно не читаю, но на это я точно не соглашалась.

Дверь открылась без стука.

Арина обернулась так резко, что волосы хлестнули по плечу.

В спальню вошли две девушки в тёмных платьях и белых передниках. Одна несла кувшин с водой и полотенца, другая — сложенное бордовое платье. Увидев Арину у зеркала, обе синхронно остановились.

Не просто остановились.

Замерли так, будто в комнате проснулся не человек, а что-то, что могло приказать снять с них кожу за неправильно поставленный поднос.

Младшая девушка опустила глаза первой.

— Доброе утро, леди Элира, — сказала она едва слышно. Элира.

Имя не отозвалось в голове ничем. Ни воспоминанием, ни знанием, ни вспышкой. Просто чужое слово, брошенное к чужому лицу.

Арина медленно вдохнула.

Значит, её здесь зовут Элира.

Леди Элира.

В голове что-то беспомощно рассмеялось: «Поздравляем, вы проснулись дворянкой. Побочный эффект — чужая жизнь, чужое тело и полный комплект проблем».

— Доброе, — сказала она осторожно.

Служанки переглянулись.

Старшая, светловолосая, с острым носом и тонкими губами, шагнула вперёд.

— Миледи желает одеться к завтраку?

Завтрак.

Чудесно. Мир рушился, личность сменилась, тело было не её, но завтрак по расписанию. В этом было что-то почти утешительное.

— А я... — Арина осеклась. Нельзя спрашивать: «Кто я?» Нельзя. Если эти девушки и так смотрят на неё как на взведённый арбалет, лучше не добавлять им поводов звать кого-нибудь с верёвками и молитвами. — Да. К завтраку.

Старшая служанка поставила платье на кресло и подошла ближе.

— Сегодня лорд Морвент велел передать, что ждёт вас в малой трапезной.

Лорд Морвент.

Кольцо на пальце вдруг стало тяжелее.

— Лорд Морвент, — повторила Арина.

Служанка снова подняла глаза, настороженно.

— Ваш супруг, миледи.

Вот теперь Арина чуть не села прямо на пол.

Супруг.

Отлично.

Прекрасно.

Просто великолепно.

Она попала не только в чужое тело, но и в чужой брак. Видимо, судьба решила, что обычного нервного срыва будет маловато, и щедро добавила мужа, титул, замок и служанок, которые явно ждали от неё чего-то неприятного.

— Я помню, — сказала Арина после короткой паузы.

Получилось не очень убедительно.

Младшая служанка дрогнула так, будто эта фраза прозвучала угрозой. Старшая быстро склонила голову.

— Конечно, миледи.

Арина наблюдала, как её одевают.

Не помогать было стыдно. Помогать — опасно: она не знала, куда продевать руки, как завязывать шнуровку, почему у платья столько слоёв и чем один корсаж отличается от второго. Служанки работали молча, быстро, осторожно. Слишком осторожно. Как люди, привыкшие, что любое движение может вызвать гнев хозяйки.

Когда старшая затянула шнуровку чуть сильнее, Арина невольно втянула воздух.

— Простите, миледи, — девушка побледнела.

— Ничего страшного, — сказала Арина автоматически.

— Просто не надо превращать меня в праздничную колбасу.
Обе служанки подняли на неё глаза.

В тишине эта фраза повисла особенно нелепо.

Младшая вдруг коротко фыркнула, но тут же зажала рот рукой. Старшая посмотрела на неё так, будто та только что подписала себе приговор. Арина вздохнула.

— Я не стану никого наказывать за смех. Если он не надо мной. Хотя сегодня можно и надо мной, день располагает.

Служанки не рассмеялись.

Но младшая впервые посмотрела на неё не с ужасом, а с растерянным любопытством.

— Как тебя зовут? — спросила Арина.

Девушка испуганно моргнула.

— Мина, миледи.

— А вас?

Старшая чуть заметно напряглась.

— Ровена.

— Хорошо. Мина, Ровена... — Арина поправила рукав.

— У меня сегодня сложное утро. Постарайтесь не падать в обморок раньше меня.

Мина снова почти улыбнулась. Ровена не улыбнулась вообще.

Зато у двери, когда служанки выходили, Арина слышала шёпот. Слишком тихий, чтобы его произносили для неё, но достаточно громкий, чтобы мир окончательно перестал казаться смешным.

— Думаешь, она опять возьмётся за бастарда? — прошептала Мина.

— Молчи, — резко ответила Ровена. — Если услышит, мальчику сегодня не позавидуешь.

Дверь закрылась.

Арина осталась посреди роскошной спальни в бордовом платье, с кольцом на пальце и словом, которое впилося в утро острее любого титула.

Бастард.

Мальчик.

«Если услышит, мальчику сегодня не позавидуешь».

Она подошла к двери, дёрнула ручку и вышла.

Коридор за спальней оказался длинным, холодным и слишком торжественным для человеческой жизни. Каменные стены, узкие окна, ковры с гербом — чёрный дракон, обвивающий серебряную башню. По стенам шли тёмные прожилки, похожие на застывшие следы огня. Замок не просто стоял. Он смотрел.

Арина шла наугад.

Очень уверенно.

Потому что если не знаешь, куда идти, лучше выглядеть так, будто все остальные не знают, почему ты выбрала именно этот путь.

Мимо прошёл слуга с подносом, увидел её и едва не уронил чашки.

— Миледи!

— Где детская? — спросила Арина.

Слуга побледнел.

Великолепно. Очередной человек, для которого её интерес к ребёнку означал нечто ужасное.

— Д-детская?

— Да. Обычно это комната, где живут дети. Иногда там игрушки, книги, маленькие люди и большие взрослые ошибки.

Он ничего не понял, но испугался сильнее.

— В северном крыле, миледи. Но юный господин...

— Проводи.

— Мне приказано...

— Проводи, — повторила Арина.

Тон вышел чужой. Точнее, не совсем. В нём неожиданно прорезалась та самая властная нота леди Элиры, к которой, видимо, здесь привыкли. Слуга вздрогнул и поклонился.

— Да, миледи.

Пока они шли по коридорам, Арина пыталась собрать хоть что-то из обрывков мира.

Леди Элира Морвент. Жена лорда Морвента. Драконьи гербы. Замок. Бастард. Мальчик, которого, судя по всему, боялись за неё или от неё. Слуги, привыкшие к её жестокости или капризам. Муж, который ждёт к завтраку.

Прежняя Элира явно не была любимицей местного коллектива.

И теперь Арине предстояло жить в её теле.

«Главное — не паниковать», — сказала она себе.

Мысль была настолько бесполезной, что Арина почти пожалела, что потратила на неё силы.

Северное крыло встретило её другой тишиной. Если в жилой части замка всё было холодно, но богато, то здесь холод был уже не красивым. Коридор казался менее ухоженным, ковры тоньше, свет тусклее. В одном месте из стены тянуло сырым воздухом, под окном стояло ведро с тряпкой, забытое кем-то из прислуги.

Слуга остановился у простой деревянной двери.

Не резной.

Не гербовой.

Не похожей на дверь ребёнка в доме богатого лорда.

— Здесь, миледи.

Арина посмотрела на него.

— Свободен.

Он поклонился так быстро, будто его только что помиловали, и исчез.

Арина положила ладонь на ручку.

С той стороны было тихо.

Она постучала.

Ответа не последовало.

— Я войду, — сказала она.

И вошла.

Комната оказалась маленькой. Слишком маленькой для замка, где одна спальня могла вместить половину её про-

шлой квартиры. Узкая кровать, тяжёлый сундук, стол у окна, полка с несколькими книгами и деревянный дракон на подоконнике. В камине было пусто. Не холодно до ледяного ужаса, но достаточно, чтобы ребёнок в такой комнате просыпался с зябкими пальцами.

У окна стоял мальчик.

Лет шесть, может, семь. Тёмные волосы падали на лоб, худые плечи были слишком прямо сведены, как у взрослого, который давно понял: если будешь занимать меньше места, тебя меньше заметят. На нём была аккуратная, но старая куртка, рукава чуть коротковаты, воротник застёгнут до самого горла.

Он не повернулся сразу.

Арина сделала шаг.

Мальчик вздрогнул.

— Я ничего не трогал, миледи, — сказал он быстро.

Слишком быстро.

Слишком привычно.

Арина остановилась.

— А что ты хотел потрогать?

Он всё-таки повернулся.

Лицо у него было бледным, тонким, красивым какой-то тревожной, недетской красотой. Глаза — серые, с тёмным ободком, настороженные до боли. В них не было детского любопытства. Только ожидание удара, даже если ударом окажется слово.

— Книгу, — сказал он.

— Какую?

Мальчик покосился на стол.

Там лежала большая книга в чёрном переплёте. Поверх неё — тонкая полоска ткани с гербом Морвентов, будто книга была не предметом, а территорией.

— Родовую, — тихо сказал мальчик. — Мне нельзя.

— Почему?

Он удивился вопросу.

— Я бастард.

Слово прозвучало ровно. Без истерики, без обиды, как выученный ответ на уроке. От этого Арине стало хуже.

— А имя у тебя есть? — спросила она.

Он снова напрягся.

— Ноэль, миледи.

— Так вот, Ноэль. Когда я спрашиваю, почему тебе нельзя читать книгу, ответ «я бастард» не подходит. Он вообще ни к чему не подходит, кроме чужой глупости.

Мальчик смотрел на неё так, будто она заговорила на языке камина.

— Вы... сердитесь?

— Да.

Он опустил голову.

— Простите.

— Не на тебя.

Ноэль не поднял глаз.

Значит, не поверил.

Арина медленно подошла к столу и взяла книгу. Тяжёлая. Пахла старой кожей и пылью. На обложке — тот же чёрный дракон, только глаза у него были выложены маленькими красными камнями. Книга показалась тёплой, хотя комната была холодной.

Ноэль дёрнулся.

— Не надо, миледи. Если леди Селеста узнает...

— Кто такая леди Селеста?

Мальчик испуганно посмотрел на дверь.

— Тётушка. Она сказала, мне нельзя читать семейные книги. И сидеть за большим столом. И ходить в западный сад. И разговаривать с гостями, если меня не спрашивают.

— Очень насыщенная женщина, — пробормотала Арина.

— Что?

— Говорю, у твоей тётушки много свободного времени для чужой жизни.

Ноэль молчал.

Арина положила книгу обратно, но уже не под ткань, а перед ним.

— Читать хочешь?

Он посмотрел на книгу.

Потом на неё.

Потом снова на книгу.

— Мне нельзя.

— Это я уже слышала. Я спрашиваю: хочешь?

Губы у него дрогнули.

— Да.

В этом «да» было столько осторожной жадности, что Арина захотелось немедленно найти Селесту и объяснить ей несколько новых правил поведения с детьми. Желательно громко. Желательно при свидетелях.

Она придвинула стул.

— Садись.

Ноэль не сел.

— Леди Элира...

От своего чужого имени Арина внутренне поморщилась, но виду не подала.

— Что?

— Вы вчера сказали, что если я ещё раз потянусь к родовым вещам, меня отправят туда, где мне не понадобится знать буквы.

Вот и первая минная поляна.

Арина медленно выдохнула.

Прежняя Элира была не просто нелюбимой. Она успела отметитья лично.

— Вчера я сказала глупость, — произнесла Арина осторожно.

Ноэль моргнул.

Похоже, в этом замке взрослые не признавали глупости. Они их называли законом, воспитанием и благом рода.

— Сегодня я говорю другое, — продолжила она. — Ес-

ли ты хочешь читать, ты будешь читать. Если кто-то против, пусть приходит ко мне.

— Леди Селеста придёт.

— Тем лучше. Я люблю знакомиться с людьми, которые запрещают детям книги. Это сразу многое упрощает.

Он всё ещё не сажился.

Тогда Арина взяла второй стул и села сама.

— Хорошо. Я посижу. Ты подумай.

В комнате стало тихо.

Где-то за стеной протяжно скрипнул камень, будто замок выслушивал разговор и делал выводы. Ноэль стоял у стола, теребя край рукава. Он хотел. Это было видно по тому, как его взгляд снова и снова возвращался к книге. Но страх был старше желания.

Арина узнала этот страх.

Не детский именно — человеческий. Когда ты уже понимаешь, что хочешь слишком многого по мнению тех, кто раздаёт разрешения. Хочешь место за столом. Тёплую комнату. Книгу. Имя без оскорбления. Простые вещи, которые в нормальном мире вообще не должны требовать смелости.

Она мягко сказала:

— Ноэль, я не знаю всех ваших правил.

Он поднял глаза.

— Правда?

— Правда.

Опасная правда. Не вся, но достаточно близкая.

— Зато я знаю одно: если правило делает ребёнка несчастным только потому, что взрослым так спокойнее, значит, это плохое правило.

— А плохие правила можно не выполнять?

— Сначала надо понять, кто их придумал, зачем и что будет, если их сломать. Иногда лучше ломать аккуратно. Иногда — громко.

— А это какое?

Арина посмотрела на книгу.

— Начнём аккуратно. Сядь и открой первую страницу.

Он колебался ещё несколько секунд.

Потом сел.

Так осторожно, будто стул мог исчезнуть.

Арина не улыбнулась, чтобы не спугнуть. Просто придвинула книгу ближе.

Ноэль открыл её.

На первой странице были странные буквы. Не кириллица, не латиница, но Арина вдруг поняла их смысл. Не прочитала — именно поняла, словно в голове открылось окно. «Род Морвент. Кровь камня. Пламя башни. Верность крылу».

Чудесно. Тело в комплекте с переводчиком.

Хоть что-то.

— Ты умеешь читать это? — спросила она.

Ноэль кивнул.

— Немного. Отец учил. Раньше.

Слово «раньше» упало между ними тяжело.

— А потом?

Мальчик провёл пальцем по краю страницы, но не коснулся букв.

— Потом тётушка сказала, что отцу не следует привязывать меня к тому, что мне не принадлежит.

Арина ощутила, как злость поднимается от груди к горлу.

— Тётушка, я смотрю, большая любительница чужой собственности.

— Она говорит, что защищает дом.

— Конечно. Все, кто запрещает детям садиться за стол, обычно делают это во имя чего-то очень высокого.

Ноэль посмотрел на неё уже почти с любопытством.

— Вы странно говорите.

— Да. Это семейное проклятие.

— У вас?

— Теперь, похоже, у нас.

Он не улыбнулся, но уголок рта дрогнул.

И в этот момент дверь распахнулась.

В комнату вошла женщина лет сорока с гладко убранными волосами и острым лицом. Платье тёмно-синее, на груди серебряная брошь в форме драконьего когтя. Глаза холодные, внимательные. За ней — Ровена, бледная и виноватая, как человек, который сообщил пожарной команде, что огонь уже у трона.

Женщина остановилась на пороге.

Сначала увидела Арину.

Потом Ноэля за столом.

Потом открытую родовую книгу.

На её лице не дрогнул ни один мускул, но комната стала холоднее.

— Леди Элира, — сказала она. — Я вижу, вы начали утро... необычно.

Арина поднялась.

— А вы, должно быть, леди Селеста.

— Вы помните моё имя. Как неожиданно.

В этой фразе было слишком много скрытого.

Арина запомнила: Селеста умная. Опасная. И уже заметила, что с Элирой что-то не так.

— Сегодня день неожиданностей, — сказала Арина.

Селеста перевела взгляд на Ноэля.

— Выйди.

Мальчик мгновенно закрыл книгу.

Арина положила ладонь на обложку.

— Останься.

Ноэль застыл.

Селеста медленно посмотрела на Арину.

— Простите?

— Я сказала: он останется.

— Вы не понимаете, что делаете.

— С утра мне это часто кажется взаимным.

Ровена у двери едва слышно втянула воздух.

Селеста улыбнулась.

Не приятно. Не тепло. Так улыбаются люди, которые нашли трещину и уже подбирают инструмент.

— Ребёнок не должен присутствовать при разговорах взрослых.

— Тогда не говорите при нём гадостей.

— Это не гадости. Это порядок.

— Порядок — это когда ребёнок ест, учится, спит в тёплой комнате и не вздрагивает от собственного имени. Всё остальное — декорации для тех, кто любит командовать без пользы.

Лицо Селесты стало жёстче.

— Леди Элира, ещё вчера вы прекрасно понимали место этого мальчика.

— Вчера у меня, видимо, был плохой день.

— Плохой день? — Селеста тихо рассмеялась. — Вы называете так собственные решения?

— Сегодня называю.

— Как удобно.

— Не то слово. Всем советую. Освобождает место для новых.

Ноэль смотрел на Арину так, будто она прямо на его глазах делала что-то невозможное. Не хорошее даже. Невозможное.

Селеста подошла ближе.

— Этот мальчик не ваш сын.

— Я в курсе.

— Он бастард.

— А это не имя.

— Он источник постоянного риска для рода Морвентов.

— Ему семь лет.

— Кровь не ждёт совершеннолетия, чтобы стать угрозой.

Арина не знала местной магии, законов, родовой политики и вообще, возможно, разговаривала сейчас с человеком, который мог уничтожить её одним письмом. Но она знала тон. Тон взрослых, которые умеют говорить о ребёнке так, будто ребёнок — неудобная вещь в доме.

С этим тоном она разбираться умела.

— Леди Селеста, — сказала она мягко. — Если вы пришли объяснить мне, почему маленького мальчика надо держать в холодной комнате и не пускать к книгам, боюсь, разговор будет коротким.

— Вы забываетесь.

— Возможно. Утро выдалось богатым.

— Я поговорю с лордом Морвентом.

— Прекрасно. Я как раз собиралась узнать, почему в его замке ребёнок живёт так, будто его все ждут удобнее мёртвым, чем счастливым.

Тишина ударила сильнее крика.

Ноэль побледнел.

Ровена закрыла рот ладонью.

Селеста смотрела на Арину уже без улыбки.

— Вам стоит быть осторожнее с такими словами.

— А вам — с такими порядками.

— Вы пожалеете.

Арина вдруг устала. Резко. Вся эта каменная роскошь, чужое тело, чужая ненависть, кольцо, муж, драконы, мальчик с глазами испуганного зверька — всё навалилось разом. Но отступать при Ноэле было нельзя. Дети слишком хорошо запоминают не речи, а моменты, когда взрослые замолчали.

— Ровена, — сказала Арина, не отводя взгляда от Селесты. — В этой комнате будет тепло. Сегодня же. Ноэлю принесут нормальную одежду по размеру. И за завтраком ему накроют место.

Ровена побледнела сильнее.

— Миледи...

— Я не спрашиваю, возможно ли это. Я говорю, что это будет.

Селеста медленно произнесла:

— За семейным столом?

— Именно.

— Вы хотите посадить бастарда рядом с собой?

— Нет. Я хочу посадить Ноэля за стол, где он должен был сидеть с самого начала.

Селеста посмотрела на мальчика.

— Ты слышишь, как легко леди Элира даёт обещания?

Ноэль опустил голову.

Арина шагнула так, чтобы закрыть его собой.

— Не разговаривайте с ним через меня. И не используйте

его страх как аргумент.

В этот момент за дверью раздались тяжёлые шаги.

Не быстрые.

Не суетливые.

Властные.

Селеста отступила на полшага. Ровена склонилась почти до пола. Ноэль так сильно сжал край стола, что костяшки пальцев побелели.

Арина обернулась.

В дверях стоял мужчина.

Высокий. Широкоплечий. В чёрном камзоле с серебряной застёжкой у горла. Тёмные волосы были убраны назад, лицо резкое, красивое, без малейшей мягкости. Но самым страшным были глаза — не просто серые или чёрные. В их глубине шевелилось тёмное золото, будто под человеческой радужкой лежал огонь, который пока согласился притвориться взглядом.

Кайрен Морвент.

Она поняла это сразу.

Не потому, что узнала.

Потому что вся комната узнала за неё.

Слуги стали ниже. Селеста — осторожнее. Ноэль — тише. Даже стены будто сдвинулись, признавая хозяина.

Драконий лорд вошёл в детскую и остановился между дверью и столом. Его взгляд скользнул по открытой родовой книге, по Ноэлю, по Селесте, потом остановился на Арине.

Он не выглядел удивлённым.

Хуже.

Он выглядел человеком, который ожидал удара и уже решил, как будет отвечать.

— Объясните, — сказал он.

Одно слово.

Арина почти почувствовала, как прежняя Элира внутри этого тела, будь она здесь, возможно, начала бы оправдываться, изворачиваться или язвить. Но Арины здесь было больше. Она не знала его. Не знала правил. Не знала, сколько власти у этого мужчины над её жизнью.

Знала только, что за её спиной сидел ребёнок, который боялся дышать.

— Я нашла вашего сына в холодной комнате, — сказала она. — Ему запрещают читать родовые книги и садиться за общий стол.

Лицо Кайрена не изменилось.

— Это не ответ.

— Это как раз ответ. Просто вам он, видимо, не нравится.

Селеста тихо вмешалась:

— Кайрен, леди Элира с утра ведёт себя крайне странно. Она нарушает установленные правила, путает слуг, вмешивается в воспитание мальчика...

— Мальчика зовут Ноэль, — сказала Арина.

Кайрен перевёл на неё взгляд.

В груди стало теснее.

Не от страха только. От давления. Этот мужчина не повышал голоса, не угрожал движением, но рядом с ним воздух начинал подчиняться. Так, наверное, чувствует себя свеча рядом с бурей: ещё горит, но уже понимает, что всё зависит не от неё.

— Вы вспомнили его имя, — сказал он.

Арина услышала в этой фразе то же, что в словах Селесты: прежняя Элира либо не помнила, либо делала вид, что не помнит.

— Имя ребёнка не так сложно запомнить, если считать его человеком.

Глаза Кайрена вспыхнули.

Не метафорически.

В самом деле вспыхнули золотом.

Ноэль тихо ахнул за её спиной.

Селеста сделала шаг назад.

— Леди Элира, — произнёс Кайрен так тихо, что стало опаснее. — Подойдёте к моему сыну с прежними намерениями — пожалеете.

Вот он.

Муж.

Лорд.

Дракон.

Мужчина, который, возможно, ненавидел женщину, чьё тело теперь принадлежало Арине. И, если судить по его лицу, имел на это причины.

Арина могла отступить.

Сказать, что всё не так. Что она изменилась. Что не помнит. Что виновата не она. Что она вообще не Элира, а случайная женщина из другого мира, которая вчера ещё спорила с управляющей за переработку, а сегодня стоит перед драконом в чужом браке и пытается не сойти с ума.

Нельзя.

Пока нельзя.

Она подняла подбородок.

— Если ваши прежние жёны и родственники обижали ребёнка, это не значит, что я продолжу традицию.

Селеста резко вдохнула.

Ровена у двери едва не выронила полотенце, которое за чем-то всё ещё держала.

Кайрен не двигался.

Но в комнате стало так тихо, что Арина слышала, как в камине, пустом и холодном, вдруг хрустнул невидимый уголь.

— У меня не было прежних жён, — сказал он.

Арина внутренне выругалась.

Первая ошибка.

Отлично, Соколова. Только попала в новый мир — уже выдала незнание биографии мужа.

Но отступать было поздно.

— Значит, родственники справились без них.

Селеста побелела от ярости.

Кайрен медленно повернул голову к ней.

— Выйдите.

— Кайрен...

— Сейчас.

Селеста сжала губы, но поклонилась. Перед уходом она посмотрела на Арину так, что стало ясно: эта женщина запомнила каждое слово. И обязательно вернётся за ними.

Ровена исчезла следом.

Дверь закрылась.

В детской остались трое: Арина, Кайрен и Ноэль.

Мальчик сидел за столом, но выглядел так, будто хотел стать частью стула. Книга перед ним оставалась открытой. Арина вдруг очень ясно поняла: сейчас Кайрен может сделать одно движение, сказать одну фразу — и всё, что она успела дать ребёнку за эти минуты, рухнет. Он снова решит, что любое разрешение временно, любая защита опасна, любая надежда потом накажет сильнее, чем запрет.

Кайрен смотрел на неё.

— Что это за игра?

— Не знаю ваших игр, милорд.

— Не лгите. Вы знали, как ударить.

— Ударить?

— Вы привели меня сюда через страх слуг, открыли книгу перед мальчиком и поссорились с Селестой в первый же час после пробуждения. Не изображайте простоту.

Арина едва не рассмеялась.

Не от веселья.

От абсурда.

Он видел заговор там, где она просто пыталась не утонуть в чужом утре.

— Поверьте, если бы я планировала интригу, она была бы лучше организована, — сказала она.

В его взгляде мелькнуло что-то неожиданное. Не улыбка. Не доверие. Скорее короткий сбой.

— Вы требуете место за столом для Ноэля?

— Да.

— Зачем?

— Потому что он голодный ребёнок, а не семейная тайна с ногами.

Ноэль тихо шмыгнул носом.

Кайрен резко посмотрел на сына.

— Ты голоден?

Мальчик не ответил.

Это тоже было ответом.

Лицо Кайрена стало каменным. Теперь злость в нём сместилась. Не ушла, нет. Просто нашла другую цель.

— Почему мне не докладывали? — спросил он ни у кого конкретно.

Арина хотела сказать: «Потому что вы хозяин замка и вам удобнее было не видеть». Но прикусила язык. Не сейчас. Не при Ноэле. Иногда правда, сказанная не вовремя, становится дубинкой, а не дверью.

— Может быть, стоит спросить тех, кто докладывал, — сказала она. — И тех, кто выбирал, что именно вам слышать.

Кайрен посмотрел на неё снова.

— Вы слишком смело говорите для женщины, которая ещё вчера требовала отправить его из замка.

Арина замерла.

Вот оно.

Не просто «прежние намерения». Конкретика.

Прежняя Элира хотела избавиться от Ноэля.

Неудивительно, что её здесь боялись.

И неудивительно, что Кайрен смотрел так, будто готов был сжечь её при первом неверном шаге.

— Вчера, — медленно сказала Арина, — я была дурой.

Он прищурился.

— Вы никогда не признавали ошибок.

— Видимо, утро действительно историческое.

— Что изменилось?

Всё.

Тело. Мир. Имя. Жизнь. Небо за окном, где, возможно, летали настоящие драконы. Мужчина перед ней. Мальчик за спиной. Само понятие реальности.

— Я увидела его, — сказала Арина.

Это было безопаснее всего.

И честнее, чем она ожидала.

Кайрен молчал.

Потом перевёл взгляд на Ноэля.

— Ты трогал книгу?

Мальчик съёжился.

Арина шагнула было вперёд, но остановилась. Нельзя отвечать за него всё время. Защита не должна превращаться в новую клетку.

Ноэль очень тихо сказал:

— Леди Элира разрешила.

Кайрен несколько секунд смотрел на сына.

— Ты хотел читать?

— Да, отец.

Отец.

Не «милорд». Не «лорд Морвент». Всё-таки отец.

В этом доме ещё не всё умерло.

Кайрен подошёл к столу. Ноэль напрягся, но не отодвинулся. Лорд Морвент посмотрел на открытую страницу и провёл пальцем по строке, не касаясь руки мальчика.

— Здесь написано о первом камне башни, — сказал он.

— Ты помнишь, как читается знак верности?

Ноэль поднял глаза так резко, что у Арины сжалось горло.

— Помню.

— Прочти.

Мальчик сглотнул.

Потом неуверенно, но правильно прочёл несколько слов на странном драконьем языке. Арина не знала звучания, но смысл снова распахнулся в голове: «Кровь не делает дом. Дом делает тот, кто стоит у огня и не уходит».

Какая злая, прекрасная ирония.

Кайрен слушал молча.

Когда Ноэль закончил, лорд Морвент закрыл книгу.

Не резко.

Осторожно.

— За завтраком тебе накроют место.

Мальчик не поверил.

Это было видно сразу.

Он даже не обрадовался — просто застыл, будто если шевельнётся, слова отменяют.

— Отец?

— Ты пойдёшь со мной.

Ноэль посмотрел на Арину.

И вот этот взгляд оказался опаснее всех угроз Кайрена.

В нём было ожидание. Маленькое, осторожное, почти стыдящееся самого себя. Он хотел знать, она тоже идёт или исчезнет, как исчезали все, кто на секунду становился тёплым.

Арина не успела ответить.

Кайрен сказал:

— Леди Элира тоже.

В его голосе не было доверия.

Только решение держать её рядом, чтобы видеть каждое движение.

Арина могла бы обидеться.

В другой день.

В другой жизни.

Сейчас это было даже удобно: её не запрут обратно в спальне и не оставят разбираться с миром по занавескам.

— Прекрасно, — сказала она. — Наконец-то завтрак. А то я уже начала подозревать, что в вашем замке питаются исключительно напряжением.

Ноэль посмотрел на неё с таким изумлением, будто она только что пошутила при драконе и осталась жива.

Кайрен тоже посмотрел.

— Вы странно говорите, — сказал он.

— Мне уже сообщили.

— Кто?

— Ваш сын.

Ноэль тут же опустил голову.

Арина мысленно выругалась на себя. Рано. Слишком рано так легко включать мальчика в разговор.

Но Кайрен не рассердился.

Только коротко взглянул на Ноэля и сказал:

— В этом он прав.

Арина не удержалась:

— Умный ребёнок. Жаль, что часть дома до сих пор воспринимает это как неудобство.

Кайрен подошёл ближе.

— Леди Элира.

— Да?

— Одно неверное движение — и я узнаю, зачем вы всё

это начали.

— Милорд, если я сама пойму, зачем у меня сегодня началась новая жизнь, вы будете первым, кому я сообщу.

Слишком честно.

Слишком близко к правде.

Его глаза снова вспыхнули золотом.

На этот раз не от злости только. От подозрения.

— Что это значит?

Арина улыбнулась.

Устало. Почти без сил.

— Значит, я тоже хочу завтрак.

Он не поверил.

Конечно, не поверил.

Но не стал давить при Ноэле.

Они вышли из детской втроём.

В коридоре уже ждали Ровена, Мина и ещё двое слуг. Все смотрели так, будто только что увидели, как горгулья спела колыбельную. Кайрен отдал короткий приказ насчёт комнаты Ноэля: огонь, одежда, книги оставить, стол привести в порядок. Голос у него был ровный, но слуги слушали так, будто каждое слово высечено на камне.

Арина шла рядом с Ноэлем.

Не брала за руку.

Не потому, что не хотела. Потому что мальчик и так был натянут, как струна. Любое лишнее прикосновение могло стать для него не заботой, а новой формой власти. Она про-

сто замедлила шаг, чтобы ему не приходилось поспевать за взрослыми.

Кайрен заметил.

Она заметила, что он заметил.

И стало ясно: этот мужчина будет считывать всё. Каждый жест. Каждую паузу. Каждую улыбку. Он не доверял ей ни на медную монету, если здесь вообще были монеты.

Что ж.

Честно говоря, она и сама себе сейчас доверяла не полностью.

У поворота к широкому коридору Ноэль вдруг остановился.

Арина тоже.

Кайрен прошёл на два шага вперёд и обернулся.

— Ноэль?

Мальчик смотрел не на него.

На Арину.

Глаза у него были огромные, серые, испуганные до боли. Но где-то под страхом появилась первая тонкая ниточка надежды — такая хрупкая, что Арине стало страшно сильнее, чем перед Кайреном.

— Миледи, — прошептал Ноэль.

— Да?

Он сжал руки перед собой.

— Вы правда не отдадите меня тётушке Селесте?

Бастард за семейным столом

— Вы правда не отдадите меня тётушке Селесте?

Вопрос прозвучал так тихо, что его мог бы проглотить коридор. Но он не проглотил. Каменные стены, высокие окна, слуги у дальней стены, даже Кайрен, стоявший на два шага впереди, — все услышали.

Арина тоже услышала.

И сразу поняла, что ответить «нет» легко только тому, кто не собирается платить за это слово. А она стояла в чужом теле, в чужом замке, рядом с чужим мужем-драконом, под взглядами людей, которые, кажется, уже успели мысленно похоронить её благоразумие. Она не знала законов этого мира. Не знала, кто такая Селеста на самом деле: просто властная родственница или женщина, у которой были реальные права на мальчика. Не знала, мог ли Кайрен одним приказом отменить всё сказанное ею пять минут назад.

Но знала другое: ребёнок не спрашивал о юридических тонкостях.

Он спрашивал, можно ли ему перестать бояться хотя бы на один вдох.

Арина присела перед ним.

Не резко, чтобы не спугнуть. Не слишком близко, чтобы не заставить отступить. Платье неловко потянуло в талии, каменный пол отдал холодом через подол, но она удержала

взгляд Ноэля.

— Я не знаю всех правил этого дома, — сказала она честно. — И не буду обещать тебе сказку, где я махну рукой, и все сразу станут добрыми и разумными.

Кайрен за её спиной не шевелился, но Арина чувствовала его внимание почти кожей.

Ноэль смотрел на неё настороженно. Видимо, такие взрослые вступления обычно заканчивались плохими новостями.

— Но я обещаю другое, — продолжила она. — Я не отдам тебя леди Селесте молча. Не позволю увести тебя как вещь, которую переставляют из комнаты в комнату. Если кто-то решит, что имеет право распоряжаться твоей жизнью, ему придётся говорить не через твой страх. Со мной. И вслух.

Мальчик моргнул.

— А если она скажет, что вы опять передумали?

Вот это «опять» резануло сильнее всего.

Прежняя Элира, кем бы она ни была, оставила после себя не просто плохую репутацию. Она оставила ребёнку привычку ждать перемены ветра от любого взрослого лица.

— Тогда спросишь меня сам, — сказала Арина. — Не её. Не слуг. Не стены. Меня.

Ноэль покосился на Кайрена.

— А если отец...

Кайрен шагнул ближе.

Мальчик тут же замолчал, будто сам испугался, что сказал слишком много.

— Если я приму решение о твоей безопасности, — произнёс Кайрен, — ты услышишь его от меня.

Слова были правильными. Даже, наверное, важными. Но в них оставалось слишком много лорда и слишком мало отца. Арина поймала себя на желании пихнуть драконьего мужа локтем в бок и прошептать: «Он не отчёт просит, а защиту». Но делать это при Ноэле было бы новой глупостью, а утро уже и так выдалось урожайным.

Мальчик кивнул.

Не потому, что успокоился.

Потому что привык соглашаться.

Арина поднялась.

— Пойдём завтракать, Ноэль.

Он шагнул рядом с ней, но не слишком близко. Она заметила: ровно так, чтобы не касаться её рукава, если вдруг она передумает и оттолкнёт. Ещё одна привычка, которую кто-то старательно воспитал.

Коридор ожил.

Слуги двинулись следом, но держались на расстоянии. Мина бросала на Арину такие взгляды, будто та была одновременно чудом и катастрофой. Ровена шла с лицом человека, который уже представил себе, сколько неприятностей принесёт этот завтрак. Кайрен держался с другой стороны от Ноэля, чуть впереди, но не настолько, чтобы мальчик выпал из его поля зрения.

Арина заметила и это.

Он не доверял ей.

Но сына видел.

Это было важнее, чем ей хотелось признать.

По пути к малой трапезной замок будто становился богаче с каждым поворотом. Узкие коридоры северного крыла сменились широкими галереями, стены — гобеленами с драконами, пол — тёмным камнем с золотистыми прожилками. В высоких окнах дрожал утренний свет, за стеклом виднелись горы и серое небо, слишком близкое, будто замок стоял не на земле, а на краю чужого дыхания.

Арина поймала себя на том, что хочет остановиться и рассмотреть всё как туристка.

Нельзя.

Туристок в чужих телах обычно быстро разоблачают.

Она шла ровно, будто всю жизнь знала, где здесь поворот к завтраку, хотя на самом деле ориентировалась по Кайрену и по тому, как слуги при виде него заранее расступались. Каждый, кто встречался им в коридоре, сначала кланялся лорду, потом Арине, потом быстро смотрел на Ноэля — и тут же отводил глаза.

Не презрение.

Хуже.

Привычка не замечать.

Ноэль тоже это чувствовал. Он становился всё тише, чем ближе они подходили к людной части замка.

У дверей малой трапезной стояли двое слуг. Увидев про-

цессию, один из них открыл рот, потом закрыл, потом поклонился Кайрену так низко, что почти уткнулся лбом в грудь.

— Милорд. Миледи. Стол накрыт.

Арина услышала, как внутри кто-то негромко разговаривал. Женский голос, мужской смехок, звон посуды. Нормальное утро богатого дома. Только ей казалось, что сейчас они войдут не в столовую, а на арену, где вместо оружия будут салфетки, взгляды и слова, сказанные так мягко, что синяки от них остаются надолго.

Кайрен первым положил ладонь на створку.

Но Арина тихо сказала:

— Подождите.

Он повернул голову.

— Что ещё?

— Где будет сидеть Ноэль?

Слуги у двери замерли.

Кайрен посмотрел на неё пристально.

— Там, где я скажу.

— Замечательно. Тогда скажите сейчас. Чтобы потом никто не бегал с лицом «у нас не предусмотрено место для ребёнка, которого все старательно не замечали».

Один из слуг побледнел.

Кайрен несколько секунд молчал. Арина почти видела, как в нём сталкиваются раздражение, подозрение и понимание, что спорить об этом перед мальчиком — значит снова дать всем право считать Ноэля проблемой.

— Справа от меня, — сказал он.

Ноэль резко поднял глаза.

Арина тоже удивилась, но удержала лицо.

Справа от лорда. Не где-нибудь в дальнем конце. Не у стены. Не на приставном стуле. Справа.

Слуга открыл дверь.

В трапезной стало тихо.

Не постепенно. Сразу.

За длинным, но не парадным столом сидели четыре человека. Селеста — в тёмно-синем, безупречная, будто успела переодеться из детской в броню. Рядом с ней сухой пожилой мужчина с длинным лицом и серебряной цепью на груди. Напротив — молодая девушка с пепельными волосами и слишком любопытными глазами. Чуть дальше — плотный седоватый мужчина в бордовом камзоле, который держал кубок и выглядел так, будто завтрак без чужого скандала считал неудавшимся.

Все смотрели на Ноэля.

На Арину.

На Кайрена.

И снова на Ноэля.

Селеста первой поднялась.

— Кайрен, мы уже начали беспокоиться.

— Напрасно, — сказал он.

Арина внутренне отметила: у этого мужчины был талант одним словом делать комнату на градус холоднее.

Пожилой мужчина чуть наклонил голову.

— Леди Элира. Вы сегодня... рано.

— Утро оказалось настойчивым, — ответила Арина.

Молодая девушка прикрыла губы чашкой, но глаза у неё блеснули.

Кайрен прошёл к своему месту во главе стола. Ноэль оставился на полпути. Там, где справа от лорда должен был стоять стул, ничего не было.

Конечно.

Арина медленно повернулась к слуге у стены.

— Стул.

Тот едва заметно дёрнулся.

— Миледи?

— Стул для юного господина Ноэля.

Селеста положила ладонь на край стола.

— Леди Элира, возможно, вы не совсем понимаете...

— Сегодня эта фраза популярна, — сказала Арина. — Продолжайте, леди Селеста. Мне уже интересно, что именно я снова не понимаю.

Плотный мужчина кашлянул в кубок. Не от смеха. Почти.

Селеста улыбнулась.

— За семейным столом существуют места, определённые происхождением и правом.

— Как удобно. А я-то думала, стулья определяются количеством людей, которые хотят есть.

Молодая девушка всё-таки тихо фыркнула.

Селеста посмотрела на неё.

— Илана.

Девушка сразу опустила глаза, но уголки губ ещё дрожали.

Кайрен сел.

— Стул, — повторил он.

На этот раз слуги бросились выполнять приказ так быстро, что едва не столкнулись друг с другом. Через несколько мгновений справа от Кайрена появился резной стул, чуть ниже остальных. Арина заметила это сразу. Детский, но не унижительный. Подойдёт.

Ноэль не двигался.

Кайрен посмотрел на сына.

— Садись.

Мальчик сделал шаг. Потом ещё один. Сел так осторожно, будто ожидал, что стул сейчас исчезнет, а все засмеются.

Никто не засмеялся.

Арина заняла место слева от Кайрена. Только сев, поняла: её посадили напротив Селесты. Прекрасно. Завтрак обещал быть питательным в части нервов.

Слуги начали подавать еду.

Арина с трудом удержалась, чтобы не рассматривать каждую тарелку. На столе были тонкие лепёшки, запечённые яблоки с пряностями, мясо в тёмном соусе, сыр, золотистые булочки, кувшины с чем-то горячим и ароматным. После всего утреннего безумия желудок неожиданно напомнил, что он, в отличие от души, не переселялся добровольно и хочет про-

стых решений.

Ноэль сидел с руками на коленях.

Перед ним поставили пустую тарелку.

Потом слуга прошёл мимо.

Арина подняла глаза.

— Простите, вы потеряли половину действия.

Слуга застыл.

— Миледи?

— Вы поставили тарелку и ушли. В этом доме еда сама прыгает детям в тарелки или требуется отдельное разрешение?

У стола снова стало тихо.

Ноэль опустил голову так низко, что волосы скрыли лицо.

Кайрен медленно повернулся к слуге.

— Обслуживай моего сына.

Моего сына.

Арина заметила, как эта фраза прошла по столу. Селеста сжала пальцы. Пожилой мужчина приподнял брови. Илана посмотрела на Ноэля уже не с любопытством, а с чем-то похожим на осторожное сочувствие. Бордовый камзол перестал жевать.

Слуга дрожащими руками положил Ноэлю лепёшку, кусок мяса, яблоко и сыр.

Мальчик не притронулся.

Арина понимала почему. Ему сейчас не еда нужна была, а доказательство, что за первый кусок его не осудят.

Кайрен, похоже, тоже понял. Но не сразу.

Он взял свою чашку, сделал глоток и коротко сказал:

— Ешь, Ноэль.

Мальчик взял лепёшку.

Откусил маленький кусочек.

Такой маленький, что Арина едва не сказала что-нибудь резкое. Но удержалась. Нельзя превращать его завтрак в очередное представление. Пусть хотя бы кусает сам. Пусть учится не ждать удара между движениями.

Селеста тем временем мягко произнесла:

— Кайрен, я не могу не заметить, что сегодняшнее утро нарушает сразу несколько семейных установлений.

— Замечайте молча, — сказал Кайрен.

Арина едва не подавилась горячим напитком.

Илана снова спряталась за чашкой.

Селеста выдержала паузу.

— Речь не о моём удобстве. Речь о доме Морвентов. У мальчика есть своё место.

Арина поставила чашку.

— Вы всё время говорите о месте, леди Селеста. Удивительно, что при таком интересе к расположению вещей вы не заметили холод в детской.

— В детской поддерживается достаточный порядок.

— Порядок там есть. Тепла маловато.

— Излишняя мягкость в воспитании мальчика с такой кровью может привести к беде.

— Конечно. Все беды мира начинаются с тёплой комнаты и завтрака.

Пожилой мужчина тихо постучал пальцами по столу.

— Леди Элира, прежде вы иначе относились к этому вопросу.

— Прежде я, видимо, слишком часто слушала тех, кто говорит о детях как о вопросах.

— Вы признаёте, что изменили позицию?

— Да.

— Резко.

— Бывает. Иногда человеку достаточно увидеть, что он ошибался.

Он прищурился.

— Удобное объяснение.

— Зато короткое. Длинные обычно врут наряднее.

Кайрен покосился на неё. Не одобрительно. Скорее, как на опасный предмет, который почему-то начал светиться посреди стола.

Пожилой мужчина не обиделся. Даже, кажется, заинтересовался.

— Лорд Дарвен, — представила его Селеста прохладно, будто Арина должна была знать. — Старший советник рода.

— Очень приятно, лорд Дарвен, — сказала Арина. — Если вы отвечаете за советы, у меня к вам уже несколько вопросов по качеству.

Илана не выдержала и тихо кашлянула, пряча улыбку.

Селеста бросила на неё такой взгляд, что девушка мгновенно уткнулась в тарелку.

— Илана, — сказал Кайрен неожиданно. — Если хочешь смеяться, смейся.

Девушка подняла глаза.

— Милорд?

— Смех за столом пока не признан изменой роду.

Арина посмотрела на него с невольным удивлением.

Вот это было неожиданно.

Уголок рта Иланы дрогнул.

— Я учту, милорд.

Бордовый камзол откинулся на спинку стула.

— Признаюсь, завтрак стал занимательнее. Леди Элира, вы проснулись с новым мировоззрением или просто решили наказать нас неожиданностью?

— Я сама пока разбираюсь, — сказала Арина. — Но если выбирать между вашим развлечением и нормальным отношением к ребёнку, я всё же предпочту второе. Первое у вас, кажется, и без меня неплохо получалось.

Мужчина рассмеялся уже открыто.

— Ай да Морвент. Женился на буре, а держал её за занавеской.

Кайрен холодно посмотрел на него.

— Роган.

— Молчу, молчу. Почти.

Роган. Запомнить. Родственник? Друг? Наглый человек,

которого почему-то не выгнали. Возможно, полезный.

Ноэль продолжал есть. Медленно. Осторожно. Но ел. Арина заметила это боковым зрением и почувствовала странное облегчение, будто выиграла маленькую войну за кусок лепёшки.

Селеста тоже заметила.

И не собиралась уступать.

— Кайрен, — произнесла она ровно, — я прошу всё же не принимать утренний порыв леди Элиры за новое правило. Мальчик может завтракать отдельно, как и прежде. Это не унижение, а защита.

Арина повернулась к ней.

— От кого?

— От лишних взглядов. От вопросов. От ожиданий, которые ему не положены.

Ноэль перестал жевать.

Вот теперь Арина ощутила, как злость подошла близко к поверхности. Не бурная. Чёткая.

— Леди Селеста, — сказала она, — при мне вы не будете называть Ноэля мальчиком, которому что-то «не положено» только из-за его рождения.

— Вы не понимаете тяжести слова «бастард» в драконьем роду.

— Зато прекрасно понимаю тяжесть слова, которым взрослые бьют ребёнка по голове так часто, что он сам начинает представляться им вместо имени.

Селеста побледнела.

— Вы переходите границы.

— Нет. Я наконец их ставлю.

Арина положила ладонь на стол. Не громко. Но достаточно, чтобы слуги у стен подняли глаза.

— В моём присутствии Ноэля не будут называть бастардом как оскорблением. Не за этим столом. Не в коридорах. Не в детской. Если кому-то нужно обсудить его происхождение в юридическом, родовом или каком угодно смысле — обсуждайте с лордом Морвентом и советом. Но при ребёнке это слово больше не звучит как плевок.

Тишина.

Такая плотная, что слышно было, как в камине щёлкнуло полено.

Кайрен медленно повернул к ней голову.

Арина не посмотрела на него. Не сейчас. Если посмотрит, может увидеть там либо раздражение, либо одобрение, и оба варианта собьют её. Она держала взгляд на Селесте.

— Он Ноэль, — сказала она. — Начните с этого. Если сложно — запишите.

Роган тихо присвистнул.

— Вот это завтрак.

Лорд Дарвен сухо произнёс:

— Смелая позиция для женщины, которая вчера придерживалась обратной.

— Я уже сказала: вчера я была душой. Это не пожизнен-

ный титул.

Илана всё-таки засмеялась.

Не громко, но искренне.

Ноэль поднял на Арину глаза.

И вот в них впервые появилось не только испуганное ожидание. Там было недоверчивое, маленькое, почти невозможное удивление.

За него сказали.

При всех.

Не шёпотом.

Не потом.

Сейчас.

Кайрен отложил нож.

— Достаточно.

Арина внутренне приготовилась к удару.

Но он посмотрел не на неё.

На Селесту.

— Правило принято.

Селеста застыла.

— Кайрен.

— В присутствии Ноэля это слово не используется как оскорбление.

— Ты понимаешь, какой знак подаёшь дому?

— Да.

— И роду?

— Особенно роду.

Голос Кайрена оставался ровным, но в нём прорезалось то, от чего даже Роган перестал улыбаться. Сила. Не показная. Не для Арины. Та самая, из-за которой каменный замок признавал его хозяином.

Селеста опустила глаза первой.

Но Арина не обманулась. Женщина не проиграла. Она просто отступила, чтобы ударить позже.

Завтрак продолжился.

Если это вообще можно было назвать продолжением. Разговоры стали осторожнее. Лорд Дарвен расспрашивал Кайрена о каких-то поставках камня с северных склонов. Роган рассказывал историю о сторожевой башне, где новый караульный перепутал сигнальные огни и поднял тревогу из-за стаи горных коз. Илана время от времени смотрела на Арину так, будто хотела что-то сказать, но не решалась.

Ноэль съел половину лепёшки, яблоко и немного сыра.

Арина отметила это как личную победу уровня «выжила в первой главе чужой жизни».

Хотя глава, судя по всему, только начиналась.

Она почти расслабилась, когда в трапезную вошёл высокий худой мужчина в сером камзоле. Слуги расступились перед ним. Он поклонился Кайрену и протянул запечатанный свиток.

— Милорд. Срочно из южной башни.

Кайрен сломал печать, прочитал несколько строк.

Лицо его не изменилось.

Но Селеста, кажется, знала его достаточно хорошо, чтобы насторожиться.

— Что-то случилось?

— Совет рода прибудет через три дня, — сказал Кайрен. Лорд Дарвен нахмурился.

— Так скоро?

— Они узнали о вчерашнем прощении.

Арина почувствовала, как по спине прошёл холодок.

Вчерашнее прошение.

Прежняя Элира хотела отправить Ноэля из замка. И, судя по всему, успела не просто сказать, а оформить.

Ноэль перестал есть.

Селеста очень медленно опустила чашку.

— Что ж, — сказала она. — Тогда сегодняшняя перемена настроения леди Элиры выглядит ещё интереснее.

Арина молчала.

Теперь даже её язык не спешил первым на поле боя.

Кайрен сложил свиток.

— Ноэль останется в замке.

— Это решит совет, — сказал Дарвен.

— Это решу я.

— Кайрен, — мягко вмешалась Селеста, — мы все понимаем твою привязанность. Но если прошение уже принято к рассмотрению, отменить его одним утренним желанием будет непросто. Особенно после столь резкой перемены леди Элиры. Род захочет понять, что стоит за этим.

Все посмотрели на Арину.

Вот и цена утреннего героизма.

Она почти услышала, как невидимый счёт лёг перед ней на стол: чужое тело, чужой муж, ребёнок, прошение, совет рода, подозрительная перемена личности. Заплатите немедленно.

Кайрен поднялся.

— Завтрак окончен.

Стул Ноэля тихо скрипнул: мальчик тоже попытался встать, но Кайрен остановил его взглядом.

— Ты закончишь есть.

— Да, отец.

Это «да» прозвучало слишком послушно.

Арина поднялась следом.

— Миледи, — сказал Кайрен.

В одном слове был приказ.

Она могла бы устроить маленькую войну прямо здесь. Сказать, что не обязана идти. Что вообще-то она хотела до-есть, а ещё разобраться, где в этом замке туалет и как выжить без истерики.

Но Кайрен уже направился к двери.

Арина пошла за ним.

В коридоре он не остановился. Шёл быстро, и ей пришлось почти догонять, придерживая подол. Слуги жались к стенам. Двери, гобелены, каменные арки пролетали мимо. Он свернул в боковой коридор, затем в кабинет с высоким

окном, тёмными шкафами и огромным столом, на котором лежали карты, печати и несколько раскрытых писем.

Дверь за Ариной закрылась.

Кайрен повернулся.

— Кто вы?

Вопрос был таким прямым, что она на мгновение забыла все подготовленные уклончивые ответы.

— Ваша жена, насколько мне сообщили.

— Не играйте.

— Я бы с радостью, но правила никто не объяснил.

Он шагнул ближе.

— Элира ненавидела моего сына.

Арина молчала.

— Она не забывала имена. Не признавалась в ошибках. Не шутила со слугами. Не путала прошлое. Не требовала место для Ноэля за столом после того, как вчера собственноручно подписала прошение о его удалении из замка.

Собственноручно.

Значит, документ существует.

Прекрасно.

— Люди меняются, — сказала Арина.

— Не за ночь.

— Иногда ночи бывают очень убедительными.

— Что случилось?

Она отвернулась к окну.

За ним был внутренний двор. Камень, узкая дорожка, чёр-

ные деревья без листьев, дальняя стена с башней. Над башней в сером небе промелькнула тень.

Крылатая.

Большая.

Арина замерла на долю секунды.

Дракон.

Настоящий.

Её мозг аккуратно положил этот факт в сторону, рядом с чужим телом, мужем, бастардом, советом рода и утренней перепалкой. Разбираться со всем сразу было невозможно. Значит, придётся сходить с ума по расписанию.

— Леди Элира, — голос Кайрена стал ниже. — Я спросил, что случилось.

Арина повернулась.

Можно было солгать. Сказать: сон. Предчувствие. Рассказание. Ударилась головой. Драконьи боги явились в виде жареного яблока и велели быть добрее.

Любая ложь в мире, где у людей горят глаза и книги сами переводятся в голове, могла оказаться опасной.

Но вся правда была ещё опаснее.

— Я проснулась, — сказала она.

Он ждал продолжения.

— И поняла, что прежняя Элира умерла для этого дома.

Кайрен не шелохнулся.

— Умерла?

— Не телом.

— Тогда чем?

Арина сжала пальцы.

— Тем, что позволяло ей быть такой, какой вы её знали.

— Удобно.

— Да. Сегодня все твердят мне это слово. Удобно. Странно. Подозрительно. Неожиданно. Хотите, я сама составлю список, чтобы вам не пришлось повторяться?

— Я хочу правду.

— А если я сама не знаю всей правды?

Он смотрел на неё слишком внимательно. Но в этот раз она не стала отворачиваться.

— Я не помню многого, — сказала Арина. — Не так, как должна. Я узнаю лица, но не всегда понимаю, кто передо мной. Я понимаю письма, но не знаю, почему. Я знаю своё имя и одновременно не чувствую его своим. Довольны? Это не делает меня менее опасной в ваших глазах, но хотя бы объясняет, почему я спросила Селесту, кто она такая.

Кайрен молчал.

Арина вдруг поняла, что сказала слишком много.

Но отступать было поздно.

— Вы потеряли память? — спросил он.

Слишком удобное объяснение.

Она могла бы ухватиться за него обеими руками.

Но что-то остановило.

— Не совсем.

— Тогда что?

— Я не могу объяснить, не прозвучав безумной.

— Попробуйте.

— Нет.

Его глаза вспыхнули.

— Нет?

— Нет. Не сейчас. Не вам. Не после того, как вы пять минут назад прямо предупредили, что я пожалею, если сделаю неверное движение. Я в чужом доме, под чужим именем, среди людей, которые ждут от меня гадости или слабости. Так что простите, милорд, но всю душу на ваш стол я сегодня не положу. У вас и так там бумаг много.

Он смотрел на неё долго.

Арина уже решила, что сейчас её выведут, запрут, вызовут местного специалиста по странным жёнам и каким-нибудь неприятным образом выяснят, кто она. Но Кайрен вдруг отвернулся к столу и взял свиток.

— Вы подписали прошение вчера после разговора с Селестой.

— О чём?

— О передаче Ноэля под надзор южной ветви рода до решения совета.

— Это значит?

— Его увезли бы из замка.

— К Селесте?

— Не напрямую. Но она поддерживала решение.

Арина медленно вдохнула.

— Отмените.

— Не всё отменяется словом.

— Тогда делом.

Он посмотрел на неё.

— Вы не понимаете, что уже запустили.

— Вероятно. Но я понимаю, что ребёнок сидел в холодной комнате и считал себя словом, а не человеком. Этого достаточно, чтобы остановить хотя бы часть.

Кайрен подошёл ближе. Не угрожающе, но Арине пришлось заставить себя не отступать.

— Если это новая игра Селесты через вас, я разорву её.

— Начните с того, что перестаньте давать ей место между вами и сыном.

Фраза вылетела раньше, чем она успела её обдумать.

Лицо Кайрена окаменело.

— Осторожнее.

— Видите? Вы злитесь на меня за одну фразу. А Ноэль живёт среди таких фраз постоянно.

— Вы ничего не знаете о том, как я защищал сына.

— Возможно. Но знаю, что он боялся попросить еду за вашим столом.

Это попало.

Кайрен отвернулся к окну.

Впервые за всё утро он выглядел не только властным. Уставшим. И это было опасно по-другому. С холодным драконом легче спорить, чем с отцом, который вдруг увидел

собственную слепую зону.

— Вы останетесь рядом с ним, — сказал он.

Арина насторожилась.

— В смысле?

— До совета. Если ваша перемена искренняя, вы докажете это не словами. Если нет — я увижу.

— То есть я под наблюдением.

— Да.

— Как приятно, когда в браке сразу есть доверие.

— Доверие вы уничтожили до сегодняшнего утра.

— Не я.

Слова вырвались тихо.

Кайрен повернулся.

Арина пожалела.

Но уже сказала.

— Что?

Она опустила взгляд.

— Ничего.

— Леди Элира.

— Я сказала: ничего.

Пауза стала острой.

Потом в дверь постучали.

Кайрен не сразу ответил.

— Войдите.

На пороге появилась Мина, бледная и взволнованная.

— Милорд, простите. Миледи. Юный господин... Ноэль

просит разрешения выйти из-за стола. Он не знает, можно ли.

Арина закрыла глаза на секунду.

Вот что сделали с ребёнком: он даже после завтрака спрашивал разрешения существовать дальше.

Кайрен ответил не сразу.

И Арина увидела, как ему пришлось собрать себя, прежде чем сказать нормально:

— Скажи Ноэлю, что он может выйти. И что после полудня я жду его в библиотеке.

Мина подняла глаза.

— В библиотеке, милорд?

— Да.

— С родовыми книгами?

Кайрен посмотрел на неё так, что девушка покраснела до ушей.

— С книгами, Мина.

— Да, милорд.

Она убежала.

Арина тихо сказала:

— Хорошее решение.

— Мне не нужна ваша оценка.

— Знаю. Но она всё равно у меня есть.

Он посмотрел на неё.

И вдруг на его лице мелькнуло нечто почти человеческое. Не улыбка. Но усталое недоумение человека, который ожи-

дал врага, а получил головную боль с принципами.

— Вы невозможны, — сказал он.

— Сегодня я только учусь.

— Боюсь представить, что будет, когда научитесь.

— Я тоже.

И это, к несчастью, было чистейшей правдой.

Кайрен подошёл к столу, взял чистый лист плотной бумаги и перо.

— Вы напишете отказ от вчерашнего прошения.

Арина осторожно посмотрела на перо.

Красивое, чёрное, с металлическим наконечником. Очень благородное. Абсолютно бесполезное для женщины, которая не знала, как выглядит подпись леди Элиры.

— Сейчас?

— Сейчас.

— А можно я сначала прочитаю прежний документ?

Он прищурился.

— Зачем?

— Чтобы понять, от чего отказываюсь. Вы же не хотите, чтобы я подписывала бумаги, не понимая смысла? Хотя, подозреваю, вчера всем это было очень удобно.

Кайрен молча достал из папки сложенный лист и протянул ей.

Арина взяла.

Письмена снова раскрылись в голове смыслом. Прощение было сухим, холодным и мерзким. В нём говорилось

о «недопустимой близости незаконнорождённого ребёнка к центральной линии рода», о «риске эмоционального влияния на лорда Морвента», о «необходимости передачи мальчика под нейтральный родовой надзор».

Внизу стояла подпись.

Элира Морвент.

Ровная, тонкая, красивая. Как нож, которым режут без злости.

Арина смотрела на неё и чувствовала не вину даже. Вина была бы слишком простой. Она ведь не писала этого. Не выбирала. Не хотела. Но теперь носила руку, которой это было подписано. Лицо, которому Ноэль не верил. Имя, от которого слуги вздрагивали.

— Я не смогу так подписать, — сказала она.

Кайрен напрягся.

— Почему?

Она показала на подпись.

— Рука... после утра дрожит. Подпись может отличаться.

Отлично. Не самая крепкая ложь, но лучше, чем «я вообще-то не умею быть вашей женой в письменной форме».

Кайрен подошёл, посмотрел на её руку.

Слишком близко.

Арина вдруг ощутила, как абсурдно остро замечает детали: тёмную ткань его рукава, запах холодного воздуха и древесного дыма, длинные пальцы, шрам у основания большого пальца. У драконьего лорда были не руки человека, который

только отдаёт приказы. Эти руки умели держать оружие. И, возможно, ребёнка. Хотя второе, кажется, забыли слишком давно.

— Пишите медленно, — сказал он.

— Вы всегда такой милосердный?

— Нет.

— Честно.

Она села за стол.

Первая строка далась тяжело. Письмена будто знали её лучше, чем она их. Стоило приложить перо к бумаге, рука сама вывела нужные знаки. Не идеально, не так красиво, как прежняя подпись, но читаемо. Магия тела? Память мышц? Новый мир снова подкинул удобство, от которого хотелось нервно смеяться.

Она написала отказ.

Простой, короткий, но твёрдый: прошение отзывается, леди Элира Морвент считает передачу Ноэля под внешний надзор преждевременной, вредной для дома и противоречащей воле лорда Морвента, если таковая воля направлена на сохранение ребёнка в замке.

Кайрен прочитал.

— «Если таковая воля направлена», — повторил он.

— Я оставила вам пространство для героического подтверждения.

— Вы дерзите даже в документах.

— Это не дерзость. Это встроенная проверка.

Он взял перо и ниже написал свою строку.

Быстро. Жёстко. Подпись Кайрена была совсем другой — не нож, а удар молнии по камню.

— Моя воля направлена, — сказал он.

Арина подняла на него глаза.

Несколько секунд они молчали.

В этой фразе не было нежности. Не было доверия. Не было обещания любви, конечно. Но было решение. И для сегодняшнего утра этого оказалось достаточно много.

Кайрен потянулся к печати. Металл с чёрным драконом лежал на краю стола. Он приложил её к горячему воску — нет, к странной янтарной массе в маленькой чаше, которая засветилась сама, стоило ему коснуться её пальцами.

Арина смотрела.

Печать опустилась на бумагу.

В тот же миг кольцо на её пальце нагрелось.

Она резко отдернула руку.

— Что?

Кайрен поднял голову.

— Что случилось?

— Кольцо.

Она посмотрела на свою руку.

Алый камень в кольце больше не просто мерцал. В его глубине вспыхнула тонкая искра, затем вторая. Тепло поползло по пальцам к запястью — не обжигающее, но настойчивое, словно кто-то невидимый проводил линию под кожей.

— Снимите его, — приказал Кайрен.

Арина попыталась стянуть кольцо.

Не получилось.

Металл будто стал частью пальца.

— Не снимается.

Кайрен резко подошёл, взял её руку.

Прикосновение было коротким, но Арину всё равно ударило странным ощущением — не романтическим даже, а магическим: будто под кожей этой чужой руки проснулся не ток, а маленький золотой зверёк и потянулся к его ладони.

Кайрен тоже это почувствовал.

Она увидела по его лицу.

Он медленно отпустил её руку, но взгляд не отвёл.

— Покажите запястье.

— Что?

— Запястье.

Арина машинально отогнула кружевной край рукава.

На коже, там, где ещё утром не было ничего, проступала тонкая золотая линия.

Сначала одна.

Потом вторая.

Они переплелись, образуя крохотный знак — крыло, обвитое башней. Тот самый герб Морвентов, но не чёрный и серебряный, как на стенах. Золотой. Живой. Едва светящийся изнутри.

Арина смотрела на него и не могла вдохнуть.

Кайрен побледнел.

По-настоящему.

— Этого не может быть, — сказал он.

Арина подняла глаза.

— Что это?

Он не ответил сразу.

Смотрел на знак так, будто тот нарушал не просто правило, а саму основу мира.

— У Элиры никогда не было родового отклика, — произнёс Кайрен наконец. — Ни одного.

— А теперь?

За дверью послышались шаги. Кто-то приближался быстро.

Кайрен резко опустил её рукав, закрывая знак.

— Никому не показывайте.

— Почему?

Дверь распахнулась.

На пороге стояла Селеста.

Её взгляд сразу скользнул к руке Арины.

И задержался.

Она улыбнулась почти ласково.

— Я, кажется, помешала.

Арина впервые за это утро поняла: да, день только начался.

И худшее в нём ещё даже не входило в комнату.

Мачеха, которой не верят

— Я, кажется, помешала.

Селеста стояла на пороге кабинета так спокойно, будто вошла не в момент, когда Кайрен торопливо закрывал рукавом странный золотой знак на руке жены, а на обычное обсуждение поставок муки.

Арина сразу поняла: эта женщина увидела достаточно.

Не всё, возможно. Не сам знак целиком. Не его форму. Но движение Кайрена, его резкость, её собственную попытку спрятать запястье — слишком многое для человека, который привык собирать чужие слабости, как драгоценности.

Кайрен отпустил её руку.

— Вы не помешали, — сказал он. — Потому что вас не приглашали.

Селеста улыбнулась чуть шире.

— Тогда мне тем более повезло оказаться рядом. Слуги сказали, что вы с леди Элирой уединились после завтрака. Я решила, что разговор касается совета рода.

— Он касается дома Морвентов.

— В таком случае я имею право знать.

— Нет.

Одно слово.

Арина почти физически ощутила, как оно ударилось о каменные стены. Селеста не изменилась в лице, но её пальцы

на дверной руч

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.